

«Брекзит»: несказанная словесная битва на Темзе

Один день из жизни британского парламентаризма

Всё было по полной программе. Переход на личности. Взаимные оскорбления. Провокационная риторика. Шум. Гул. Гам. В такой обстановке остервенелой нервозности прошло заседание палаты общин 25 сентября, способного стать не красным, а кровавым днём временного исчисления. Но не по Гринвичу, а по «Брекзиту».

Предыстория этой не вполне рыцарской сшибки под сводами Вестминстерского дворца связана с решением вождя тори первого министра Бориса Джонсона отправить парламентариев на пятидневные каникулы с 9 сентября по 14 октября. Прописанная в регламенте процедура отсрочки ("prorogation") легитимна, но выбор момента прямо указывал на тайное желание БоДжо лишить парламент возможности обсуждать условия «Брекзита», а значит, и шансов вмешаться (см. [«Британцам готовят «Операцию Овсянка»](#), №7-8(142), 2019) в явно выбранный им сценарий тихого выскользания Британии из Евросоюза.

Такая откровенно флибустьерская тактика взбеленила почти всех без разбора. 24 сентября своё веское слово сказали все 11 членов Верховного суда Великобритании, поддержавшие постановление, отказывающее в законности решению премьера о приостановке работы парламента. Это решение было «неправомерным», объявила председатель Верховного суда Бренда Хэйл.

Спикер палаты общин Джон Беркоу незамедлительно возгласил, что уже на следующий день парламентарии соберутся по адресу, известному своим почтовым индексом SW 1 А. При этом спикер, который стал сверхпопулярной фигурой благодаря телетрансляции его пылких попыток утихомирить разбушевавшихся депутатов, сделал два знаковых заявления. Беркоу подчеркнул, что «незаконное решение приостановить работу парламента было принято в критическое для страны время», и уточнил: «Я проинструктировал палату о том, что парламентарии должны возобновить – не начать работу после приостановки, которая была признана незаконной, – а именно возобновить свою работу с завтрашнего дня (25 сентября)».

Узнав о своём очередном фиаско (за три месяца его инициативы в парламенте «прокатили» шесть раз), Джонсон первым делом обозначил свою позицию – коль скоро он, как представитель исполнительный власти оказался в контрах одновременно с властью законодательной и судебной. «Я категорически не согласен с этим решением Верховного суда. Я очень уважаю нашу судебную систему, но не думаю, что это было правильное решение. Я считаю, что пророгация (приостановка работы) использовалась на протяжении веков и без подобных пересмотров». Но следом, не имея свободы маневра, Джонсон признал, что вердикт судей необходимо уважать.

И грянул бой. Британский премьер, получивший вдобавок к прежнему прозвищу «БоДжо Клоун» ещё и кличку «премьер-зомби», ринулся всем корпусом на все имевшиеся амбразуры. Самый громкий взрыв негодования вызвало его сравнение только что принятого закона,

обязывающего его добиваться трёхмесячной отсрочки выхода из ЕС, с «актом капитуляции» (“Surrender Bill”). Эту хлесткую метафору Джонсон, видимо, считая этот термин из военного вокабуляра самым пробивным, употребил неоднократно. Чем вывел палату из себя.

Многие оппоненты Джонсона указали на недопустимость использования выражений из словарного запаса, которые могут расцениваться как «угроза насилия или того хуже» (threats of violence or worse). Одна из женщин-депутатов от лейбористов поведала, что лично в её адрес звучали угрозы, напоминающие стилистику высказываний премьер-министра. Но это выступление Борис Джонсон попросту отмахнулся: «Я за всю жизнь не слышал подобной чепухи» (“I have never heard so much humbug in my life”).

Быть может, бóльшим авторитетом для БоДжо могла оказаться его сестра Рейчел, хотя и это сомнительно. В интервью телеканалу «Скай ньюс» сестра призналась в своём неприятии провокационной риторики: «Такие слова, используемые моим братом, как коллаборационист, предатель, предательство, капитуляция, предполагают, что те, кто препятствуют осуществлению святой воли 17 миллионов 400 тысяч граждан, проголосовавших в 2016 году (за выход из ЕС. – В.М.), должны быть повешены, выпотрошены, четвертованы, вывалены в дёгте и вымазаны в перьях».

Оригинал этой цитаты: *“Words like collaborationist, traitor, betrayal, my brother using words like surrender, capitulation, as if the people who are standing in the way of the blessed will of the people as defined by 17.4 million votes in 2016 should be hung, drawn, quartered, tarred and feathered”* .

Для справки и в качестве напоминания: на референдуме в июне 2016 года 17,4 миллиона избирателей, или 52%, проголосовали за сецессию, то есть за выход из Евросоюза, в то время как 16,1 миллиона, или 48%, объявили о желании остаться.

Вердикт сестры Рейчел однозначен: «Я думаю, это в высшей степени предосудительно использовать такие слова» (“I think that it is highly reprehensible language to use”).

В ходе дебатов, если столь пресный нейтральный термин подходит для описания того словесного бедлама, что творился 25 сентября в одном из трёх старейших парламентов мира, лидер лейбористов Джереми Корбин потребовал, чтобы Борис Джонсон не только бы извинился за обман перед Елизаветой II, утвердившей “prorogation” под шатким предлогом, но и принёс покаяние всему народу за то, что «попытался прикрыть демократию в критический момент...»

Кульминацией инвектив Корбина стало язвительное предложение Борису Джонсону войти в историю Соединенного Королевства как премьер-рекордсмен, меньше всех пробывший в роли премьер-министра, а для этого, не мешкая, подать прошение об отставке (см. [«Брекзит»: цейтнот спарился с цугцвангом»](#), №7-8(142), 2019). Такие мысли витали в перегретом словесными выбросами воздухе. Неоднократно слышались выкрики «в отставку!». А кто-то обвинил Джонсона в том, что он-де «диктатор-обманщик» (“cheating dictator”).

Видный тори, бывший премьер-министр из стана консерваторов Джон Мейджор выразил надежду, что многие в партии сочтут, что нынешний кабинет – это аберрация (“aberration”), читай – отклонение от нормы, искажение, ошибка. Мейджор чуть ли не от лица всей нации постулировал: «Мы ненавидим язык раскола и ненависти – таким словам, как «саботажник»,

«предатель», «враг», «капитуляция», «измена», нет места в нашей партии, в нашей политике, в нашем обществе» (“We abhor the language of division and hate – and words such as ‘saboteur’, ‘traitor’, ‘enemy’, ‘surrender’, ‘betrayal’ have no place in our party, our politics, nor in our society”).

В качестве последней линии защиты – и одновременно нападения – Джонсон приберёт такой аргумент: если парламентариям вся эта история не по нраву, то пусть попытаются скинуть его правительство. Расчёт явно на то, что оппоненты испугаются, поскольку это может означать досрочные выборы, на которых, судя по опросам, снова может взять верх эксцентричный БоДжо. А если они не способны на такой подвиг, словно подначивал их теперешний главный тори, то пусть не мешают исполнить волю большинства. Ранее, узнав приговор Верховного суда, Джонсон без всяких обиняков и стеснений дал понять, что в отставку не собирается.

Финальным приговором словесной свары 25 сентября можно считать признание спикера нижней палаты Джон Беркоу. За 22 года своей непорочной службы он никогда не становился свидетелем столь отвратительной атмосферы в ходе парламентского заседания.

Владимир МИХЕЕВ